

Динамика политических протестов и оппозиции режиму в России

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 280
Сентябрь 2013 г.

Марк Крамер
Гарвардский университет

За последние три года опросы общественного мнения и глубинные интервьюирования представителей целевой аудитории (фокус-группы) в России выявили существенный уровень недовольства существующей политической системой. Это недовольство сыграло решающую роль в прокатившейся в декабре 2011 г. волне массовых протестов, которые начались после российских парламентских выборов, отмеченных повсеместными фальсификациями. Масштабы протестов стали неожиданностью для большинства наблюдателей. Фальсификации результатов выборов неоднократно служили катализатором массовых антиправительственных выступлений в ряде постсоветских республик. Однако ни российские власти, ни даже многие участники акций протестов не ожидали, что то же самое может произойти в России. Такие масштабы демонстраций и откровенная враждебность толпы в адрес Владимира Путина были до этого немыслимы в России. Однако заявление Путина в сентябре 2011 г. о своем намерении вернуться на пост президента России (а также его заявление о том, что он решил об этом несколько лет назад, то есть, следовательно, все эти годы Путин попросту водил людей за нос) породило уныние не только среди остатков российской оппозиции, но и многих других россиян, ощущавших наступление застоя политической системы и необходимость замены ее на более прозрачную и подотчетную структуру.

Сегодня, несмотря на то, что прошло всего полтора года, эти протесты кажутся давними воспоминаниями. В настоящей статье мы попытаемся объяснить, что было сделано неправильно, а также – что может произойти в будущем?

Протесты и ответная реакция

Демонстрации в России конца 2011 и начала 2012 гг. произошли сразу после волны беспорядков, прокатившихся по Северной Африке и Ближнему Востоку начиная с

января 2011 г. Неожиданный взрыв антиправительственных выступлений во многих арабских странах, падение диктаторов, многие десятилетия правивших Тунисом, Египтом и Ливией, а также начало кровавой гражданской войны в Сирии способствовали тому, что в конце 2011 г. в России воцарилась атмосфера глубокой неопределенности. Организаторы протестов в России заняли двусмысленную позицию в вопросе о том, намереваются ли они повторить тактику арабских демонстрантов, свергнувших свои правительства. Декларированной целью участников протестов в России было проведение повторных парламентских выборов, и большинство демонстрантов ясно заявили, что не желают революционных перемен. Однако некоторые лидеры протестов намекали или даже открыто заявляли, что их целью являются более радикальные изменения. Несомненно, власти опасались, что многие из демонстрантов тайно желали ускорить конец путинского режима.

Масштабы и интенсивность первоначальных протестов застали Путина врасплох. Пытаясь справиться с ситуацией он помнил (и тревожился) о том, что произошло в арабском мире. В какой-то момент он и его окружение занервничали из-за возможности повторения такого сценария в России и начали рассматривать уступки, на которые им может необходимо будет пойти, чтобы избежать открытого восстания.¹ Некоторые советники Путина даже начали рассматривать вариант, что он может согласиться снять свою кандидатуру на президентских выборах 2012 г., давая таким образом Дмитрию Медведеву возможность предстать в качестве более привлекательной альтернативы - лидером, который смог бы достичь политического компромисса с оппозицией.

В конечном итоге никаких уступок не понадобилось. Выстояв в первую волну протестов и постепенно вернув инициативу в свои руки в марте 2012 г., Путин легко победил на президентских выборах в первом туре и принялся проводить серьезные изменения в политико-правовой системе России с тем, чтобы больше никогда не сталкиваться с вызовом своей власти такого масштаба. В 2012 г. при поддержке (или, по крайней мере, молчаливом согласии) значительного большинства населения был принят целый ряд репрессивных мер, в том числе: введение серьезных ограничений на деятельность НПО, занимающихся развитием демократии и защитой прав человека, а также мониторингом проведения выборов; крупное увеличение штрафов на участников «противозаконных» митингов; запрет на публичные собрания в определенных местах, где в конце 2011 г. проводились массовые протесты; прекращение вещания иностранных СМИ; ограничения доступа к интернету; а также резкое расширение понятия «предательство». В 2013 г. были приняты дополнительные меры, в том числе: закон о богохульстве; закон о запрете «пропаганды» прав сексуальных меньшинств; начались крайне назойливые проверки офисов НПО; а также стал проводиться в жизнь закон, требующий, чтобы НПО, получающие финансирование из-за

¹ Эти заявления основаны на беседах, которые я имел с двумя крупными советниками президента Путина в конце октября 2012 г. в Москве.

рубежа, зарегистрировались как «иностранные агенты» и указывали на этот факт в своих публикациях. Хотя нескольким периферийным НПО удалось оспорить применимость этого закона к своей сфере деятельности, требование зарегистрироваться в качестве «иностранного агента» резко отрицательно сказалось на деле продвижения демократии.

Новая сеть ограничений сочеталась с выборочным преследованием и заключением в тюрьму оппозиционных деятелей – мерой, рассчитанной на то, чтобы держать всех остальных в подвешенном состоянии. Угроза уголовного преследования или выплаты непосильных налогов была рассчитана на то, чтобы запугать лидеров оппозиции, заставить их беспокоиться своей судьбой, а также судьбой своих близких. Даже те, у кого были связи с властями, испытали на себе давление с тем, чтобы продемонстрировать свою лояльность режиму. Богатая предпринимательница, имевшая неосторожность выразить сочувствие требованиям протестующих в конце 2011 г., признавалась в июне 2013 г., что она сама оказалась в весьма зыбкой ситуации: « В любой момент все, что у меня есть, могут отнять».

Действия Путина и ошибки оппозиции

Умело используя в своих интересах структурные черты российской политической системы, Путин сумел восстановить контроль после краткого периода неопределенности декабря 2010 г. Он гораздо лучше, чем оппозиция, понимал, что до тех пор, пока в Россию продолжает поступать поток доходов от экспорта нефти, а темпы экономического роста остаются относительно благополучными, большинство россиян гораздо менее склонно волноваться по поводу таких ценностей как демократия и свобода. Последний раз волна массовых протестов прокатилась по России (тогда РСФСР) в начале 1991 г. и продолжалась несколько месяцев. Несколько сотен тысяч людей вышли на улицы Москвы в начале 1991 г., когда политика президента СССР Михаила Горбачева привела к полной дестабилизации советской экономики, к повсеместному дефициту товаров и галопирующей инфляции. Неприглядная экономическая ситуация 1991 г. («внезапное ухудшение жизненных условий», если использовать формулировку из теории общественных движений) породила резкое недовольство в обществе, которым смогли воспользоваться организаторы протестов, выведя на улицы огромные толпы людей. Если бы протесты против Путина разразились в декабре 2008 г. или январе-июне 2009 г. (когда в условиях глобального экономического кризиса начался резкий спад российской экономики, и никто не мог сказать наверняка, как низко упадут ее показатели), демонстранты смогли бы, воспользовавшись всеобщей обеспокоенностью экономической ситуацией, мобилизовать народ по всей России.

Однако к декабрю 2011 г. экономика России уже не была в кризисе. Поэтому Путину и его помощникам без труда удалось убедить большинство россиян в том, что участники протестов пытаются дестабилизировать страну и свергнуть ее в экономический хаос. Если бы к декабрю 2011 г. сохранялось

подлинное ощущение кризиса, каковым оно было в конце 2008 г. и начале 2009 г., то отстаивать этот тезис властям было бы гораздо труднее. Но обстоятельства оказались благоприятными для Путина, чтобы он мог утверждать будто любые протесты раскачивают лодку и могут поставить под угрозу процесс улучшения уровня жизни, которое большинство россиян испытывали начиная с 1999 г. Это объясняет результаты опросов, проведенных «Левада-Центром», которые свидетельствуют о том, что значительное большинство россиян было настроено против демонстраций протестов и опасалось, что оппозиция сможет свергнуть страну в пучину нестабильности. Это не означает, что россияне принимают большинство аспектов правления Путина. Однако они согласились с его основным доводом о том, что массовые демонстрации угрожали бы стабильности России, и, следовательно, их следует избегать.

Практически по той же причине лишь небольшой процент россиян высказался против мер по ужесточению режима, принятых Путиным в 2012-2013 гг. Хотя во второй половине 2012 г. и начале 2013 г. рейтинг популярности Путина постепенно снижался, стабилизировавшись где-то на уровне 64-65%, это отнюдь не означало, что широкая общественность поддерживала протесты. Наоборот, доля тех, кто выразил готовность принять участие в протестах в 2012 г. и в 2013 г., снизилась до 5-10%, тогда как процент тех, кто не желал принимать участие в протестах, колебался между 75 и 80%. Многие россияне не только опасаются, что политические беспорядки могут привести к широкомасштабным сдвигам, нестабильности и экономическим неурядицам, но они также сомневаются в эффективности таких протестов. Численность тех, кто полагает, что протесты «ни на что не влияют», в восемь раз превосходит тех, кто видит в протестах средство «достижения подлинных уступок».

Помимо обстоятельств, которые не благоприятствовали мобилизации масс в России, следует упомянуть и то, что организаторы протестов усугубили ситуацию рядом серьезных ошибок. С началом беспорядков в Москве им следовало активно проявлять инициативу для мобилизации людей; они не должны были рассчитывать на то, что одного лишь недовольства окажется достаточно самого по себе. Причины для недовольства существуют в любой стране. Поэтому, помимо недовольства, для мобилизации масс лидерам протестов нужен подходящий катализатор, а именно, «внезапное ухудшение жизненных условий», которое вызвало бы повсеместное возмущение. Как только катализатор возникает, организаторы протестов должны использовать его настолько это возможно. Такой важный катализатор возник в декабре 2011 г. (вопиющая фальсификация результатов выборов), но возобновление экономического роста в России в 2010-2011 гг. означало, что порог для мобилизации масс был гораздо выше, чем три года назад, когда экономика стремительно ухудшалась.

Как было отмечено ранее, одна из причин, по которой большинство россиян с настороженностью отнеслись к протестам конца 2011 – начала 2012 гг., заключалась в том, что они опасались «дестабилизации» страны и возвращения экономического хаоса 1990-х. Оказавшись в ситуации, которая требовала немалого

политического опыта и сноровки, организаторы совершали одну грубую ошибку за другой. Это особенно стало наглядно, когда они решили устроить продолжительный перерыв с конца декабря 2011 г. по начало февраля 2012 г. Опыт середины 1980-х гг., показывает, что лучший метод мобилизации людей на участие в широкомасштабных мирных протестах – это продолжение этих протестов неделю за неделей чтобы сохранить динамику. Большинство потенциальных движений рано или поздно иссякают, но шанс такого движения на успех гораздо выше, если ему удастся мобилизовать народ на частые выступления, нежели если оно берет полуторамесячную передышку в момент своего зарождения. Отчасти вследствие столь долгого перерыва, в 2012 г. масштабы протестов в Москве пришли в упадок, сократившись до уровня досадного раздражителя для режима, нежели сколько-нибудь серьезной угрозы для него. За пределами Москвы, где протесты никогда не достигали столичных масштабов, их совсем не удалось возродить после перерыва. Поэтому первый раунд политического противостояния с властью в России Путин выиграл вчистую.

Перспективы

Тем не менее, даже несмотря на то, что протесты декабря 2011 г. были поддержаны лишь приблизительно 40% населения России, и даже несмотря на то, что подавляющее большинство россиян отвергли главное требование протестующих о повторном проведении парламентских выборов, - факт того, что разразились массовые протесты, уже является существенным сам по себе. Продолжающиеся проявления недовольства дают основания полагать, что при подходящих обстоятельствах демонстрации могут возобновиться. Рейтинги популярности Путина (62-65%) остаются на чрезвычайно высоком уровне по сравнению с рейтингами большинства западных лидеров, однако он уже больше не имеет 80-85%, которые были нормой его рейтингов времен второго президентского срока. Насмешки, с которыми обращались в его адрес участники протестов в декабре 2011 г., не вызывали восторга у многих россиян (опросы общественного мнения показали, что многие не приветствовали протесты, в ходе которых проявлялось «неуважение к власти», -имея ввиду Путина), но критика оставила ряд царапин в полированном образе, который до этого был у Путина. В этом смысле, а также в демонстрации потенциала осмысленной коллективной акции, массовые протесты конца 2011 г. частично изменили политическую динамику России. Даже если Путин останется на президентском посту до 2018 г. (или 2024 г.), он больше не сможет с легкостью делать все, что ему захочется, не опасаясь ответных мер. Репрессивные законы, принятые в 2012-2013 гг., могут помочь ему предотвратить дальнейшие протесты, однако теперь ему придется соблюдать осторожность, чтобы не зайти слишком далеко.

Сможет ли оппозиция представлять реальную угрозу для Путина, остается, однако, в лучшем случае, неясным. Маловероятно, что в полу-авторитарной стране, каковой является Россия (особенно после принятия законов 2012 и 2013 гг.), возможности для массовой мобилизации будут возникать очень часто. Когда же

такие возможности появляются, то их продолжительность почти всегда ограничена. Большинство движений протеста не достигают своих целей на первом этапе выступлений, и ключом к успеху является то, что Верта Тейлор назвала «структурой при приостановлении активности социального движения», которая позволяет «социальному движению устоять в невосприимчивом окружении и обеспечить преемственность от одного этапа мобилизации к другому».² Тэйлор применила эту концепцию при изучении организационных и идеологических связей, которые соединяли женские движения в США на различных этапах XX в. Эта концепция также была применена Дугласом Макадамом при анализе групп, отдельных лиц и идей, которые удерживали на плаву движение за гражданские права в США во время продолжительных периодов упадка и разочарования и обеспечили, в конечном счете, достижение движением своих целей. Можно также упомянуть подпольное движение «Солидарность» в Польше в 1980-е гг. (с декабря 1981 г. по начало 1989 г.) как структуру при приостановлении активности социального движения.

В недемократической стране, каковой является Россия, между различными фазами политической борьбы могут проходить многие месяцы, а то и годы. В течение продолжительных перерывов, когда структуры политических возможностей (СПВ) не располагают к массовой мобилизации, единственным способом поддержания жизни в нарождающемся движении является создание эффективной структуры при приостановлении активности. Такая структура даст возможность отдельным активистам и группам в России (идеологии и цели которых могут существенно отличаться, но основной задачей которых является переход к более открытой и подотчетной системе) поддерживать базовый уровень преемственности. Если им удастся это сделать, то они окажутся гораздо лучше подготовлены к будущим изменениям в СПВ, которые облегчат возобновление массовой мобилизации. Однако, если расхождения между отдельными активистами и группами будут расширяться, контакты сокращаться, и им не удастся сохранить хотя бы минимальную структуру движения (как это, похоже, происходит в сегодня России), то оппозиционное движение почти наверняка вымрет. В этом случае, хотя противостояние с властью и сможет возобновиться в будущем, его будет проводить уже совсем другое движение.

Что это означает для будущего? Юридические ограничения, введенные Путиным в 2012 и 2013 гг. с целью ограничения оппозиционной активности, вкупе с притеснением и преследованиям деятелей оппозиции, означают, что в настоящий момент СПВ гораздо меньше благоприятствуют оппозиции, нежели в декабре 2011 г. В будущем порог для мобилизации масс будет выше, чем в конце 2011 г. Резкое ухудшение экономической ситуации в России может оказаться достаточным катализатором, но поскольку федеральные выборы не планируются до 2016 г. (парламентские) и 2018 г. (президентские), то трудно представить себе,

² Verta Taylor, "Social Movement Continuity: The Women's Movement in Abeyance," *American Sociological Review* 54, 5 (October 1989), 762.

что же еще сможет стать катализатором в ближайшем будущем. Поэтому, на нескольких лет (а то и дольше) неблагоприятной фазы СПВ, лидерам российских оппозиционных групп придется создавать структуры при приостановлении активности социального движения. Их шанс на успех в разработке прочных структур будет увеличен, если они будут стремиться поддерживать максимально широкую оппозицию. Им следует сосредоточить всю энергию и внимание своих товарищей на задаче создания прозрачной и подотчетной власти, и не увязнуть в спорах о программных деталях. При разработке протестного дискурса им следует помнить о необходимости представить убедительную аргументацию представителям обширного политического диапазона. Если им удастся это обеспечить, то их шансы на сохранение движения будут гораздо лучше, и когда СПВ изменится в их пользу, они будут готовы действовать. Если же они погрязнут во внутренних разборках, то оппозиционное движение прекратит свое существование.

В течение отрезка времени, когда структура при приостановлении активности социального движения будет играть ключевую роль, лидерам оппозиции следует помнить о настроениях в обществе. В частности, им следует сосредоточиться на трудностях, с которыми сталкиваются многие россияне: таких вещах, как злоупотребления государственных чиновников и вопиющая коррупция - как мелкое взяточничество, так и крупномасштабные подкупы. Российское общество более склонно более терпимо, чем западное, относиться к коррупции и конфликтам интересов в высших эшелонах власти. Однако при определенных обстоятельствах вопросы общественного контроля над деятельностью должностных лиц могут стать мощным катализатором для следующего раунда противостояния с властью.

**Elliott School of
International Affairs**

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(IERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макартуров. www.ponarseurasia.org